

Ли Чжи казалось, что он просто всё не так понял.

Разве не говорят, что у дружбы и любви много общего? Возможно, со стороны Чу Минчжана это действительно была лишь чистая, дружеская привязанность. А та теплота, которая заставляла строить иллюзии, была обычной заботой о друге.

Его мысли были предельно просты: стать возлюбленными — предел мечтаний, но если не суждено, он согласен и на дружбу. В конце концов, в самом начале он хотел лишь одного — быть к Чу Минчжану чуточку ближе.

Ли Чжи надеялся поговорить, прояснить всё раз и навсегда. Он наивно полагал, что стоит только объясниться, и всё наладится. Но он и представить не мог, что ему даже не представится случая сказать хоть слово.

Чу Минчжан стал избегать его как чумы. На этот раз — по-настоящему. Раньше они хоть и отдалились, но всё же ходили вместе и перебрасывались парой слов.

Теперь же Чу Минчжан даже смотреть в его сторону не желал.

Для Ли Чжи даже один день подобного игнорирования был невыносим. На следующий день сразу после уроков он бросился к комнате Чу Минчжана, решив во что бы то ни стало во всём разобраться.

Когда-то Чу Минчжан сам дал ему запасной ключ, чтобы Ли Чжи мог подождать его внутри, если того не окажется на месте. Поэтому, когда на звонок никто не ответил, Ли Чжи привычным жестом достал ключ из рюкзака.

Но рука его застыла на полпути.

Замочной скважины не было. Замок заменили.

Раньше на двери висел обычный механический замок, но теперь его место занял кодовый, электронный. Ли Чжи замер с ключом в руке, тупо глядя на блестящую панель с цифрами, и почему-то тихо, горько усмехнулся.

Маленький, невесомый кусочек металла вдруг показался раскалённым углём, налился свинцовой тяжестью, едва не вываливаясь из дрожащих пальцев. Ли Чжи не знал, что теперь с ним делать.

Ему безумно захотелось швырнуть этот ключ куда подальше — словно вместе с ним он мог выбросить из груди всю эту удушающую тоску.

Но он сдержался. Ему хотелось вернуть ключ лично в руки. Вот только возможности больше не представилось.

— А ты разве не в курсе? — Гун Цзе задумчиво постучала колпачком ручки по подбородку. — Он уехал в соседнюю провинцию на соревнования. Уровень там серьёзный, правила строгие, участникам даже телефонами пользоваться запрещают. Вернётся недели через две, не раньше.

В этот момент Ли Чжи наконец всё понял. Все его прежние попытки навязываться Чу Минчжану удавались лишь потому, что тому было лень с ним связываться. Но стоило Чу Минчжану по-настоящему захотеть оборвать все нити, как Ли Чжи не смог бы даже приблизиться к нему.

— Да? Вот как... — Ли Чжи выдавил из себя сухой смешок. Гранёный ободок ключа больно врезался в ладонь, медленно, словно тупой нож, кромсая кожу и терзая израненное сердце.

— Я не знал.

Он действительно не знал. А ведь раньше Чу Минчжан всегда рассказывал ему, куда и зачем уезжает.

Человек исчез. Ни связи, ни встреч — он просто растворился, будто всё, что было между ними, Ли Чжи просто выдумал. Он чувствовал себя сорвавшимся в пропасть, а человеком, который толкнул его в спину, был Чу Минчжан.

Ли Чжи плохо помнил те две недели. Собственное тело казалось чужим, непослушным. Ни одной спокойной ночи: он либо лежал, уставившись в потолок до самого рассвета, либо просыпался посреди ночи в липком холодном поту от кошмаров, после чего уже не мог сомкнуть глаз.

На него накатывали беспричинные приступы слёз; когда вокруг все смеялись, ему хотелось выть от тоски. Аппетит пропал начисто, от любого куска еды тошнило, а пальцы мелко, непрерывно дрожали. Ли Чжи понимал, что с ним творится что-то неладное.

Ворвавшись в комнату как безумный, он принялся лихорадочно перерывать прикроватную тумбочку. Хлам внутри никак не поддавался, и в приступе глухой ярости Ли Чжи просто вывалил всё содержимое ящика на пол. Вещи с грохотом раскатились по комнате.

Какое-то время он стоял неподвижно, словно в оцепенении, а затем резко опомнился и рухнул на колени, судорожно разгребая завалы. Губы его мелко подрагивали.

«Где лекарство?... Лекарство... Куда оно делось?»

Внезапно палец пронзила резкая боль. Ли Чжи отдернул руку — на подушечке выступила

багровая капля. Он сунул палец в рот, и металлический привкус крови немного протрезвил его затуманенный разум. Ли Чжи вспомнил.

Он сам всё выбросил. Давным-давно.

Он нервно кусал ногти, тщетно пытаясь вспомнить, как долго уже не принимает таблетки и когда в последний раз был у врача на приёме.

Бессильно осев на пол, он отполз в угол, сжался в комок, а затем, едва удерживаясь на ногах, забрался в платяной шкаф, спрятавшись среди висящей одежды. В комнате было тепло, но его бил сильный озноб.

Зубы непрерывно стучали. Натянув на плечи тяжёлое зимнее пальто, он выудил из кармана телефон. Пальцы не слушались, и ему потребовалось немало усилий, чтобы просто разблокировать экран.

Он открыл закреплённый диалог. Ли Чжи долго набирал текст — символ за символом, целые абзацы излияний, но тут же стирал всё до последнего слова.

В итоге он оставил лишь одну короткую строчку:

«Брат Минчжан, твой ключ всё еще у меня».

Быстро отправив сообщение, он заблокировал экран, не смея больше смотреть на дисплей. Ли Чжи сидел в темноте шкафа, широко распахнув глаза. Время потеряло всякий смысл. Наконец телефон в его руке коротко завибрировал.

Ли Чжи снова затрясло. Сделав глубокий вдох, он разблокировал экран и увидел долгожданный ответ от Чу Минчжана:

«Приходи завтра после уроков».

В шкафу Ли Чжи провёл всю ночь. Под утро его вывернуло наизнанку. Поняв, что дойти до учебного корпуса он не в состоянии, он написал Гун Цзе с просьбой передать учителю, что заболел.

Он проспал почти до самого вечера, пока солнце не начало клониться к закату. Только тогда Ли Чжи заставил себя подняться и привести в порядок измождённый вид.

Кусок в горло не лез, поэтому он лишь сделал пару глотков воды, взял ключ и, обувшись, вышел на улицу. Он медленно побрёл в сторону корпуса, где жил Чу Минчжан. По пути ему казалось, что прохожие как-то странно на него косятся. Одна проходящая мимо девушка даже притормозила и с тревогой спросила:

— Слушай, ты в порядке? Может, тебе помочь?

— Помочь?.. Нет, спасибо, не надо... Всё хорошо... Всё нормально.

Он попытался выдавить вежливую улыбку и поплелся дальше.

Из-за того, что за весь день он не съел ни крошки, уровень сахара в крови упал, в голове шумело, а ноги налились свинцом. Кое-как добравшись до нужного корпуса, Ли Чжи зашёл в лифт и на автопилоте нажал кнопку этажа. Но стоило дверям разъехаться, как он застыл на месте.

В коридоре стояло несколько больших чемоданов, мимо сновали крепкие мужчины, похожие на телохранителей. Чу Минчжан стоял поодаль, прислонившись спиной к стене и скрестив руки на груди. Ли Чжи впился в него жадным взглядом, ловя каждую чёрточку его лица, будто не видел целую вечность.

Под глазами Чу Минчжана залегли глубокие тени.

«Он так устал на этих соревнованиях? Давление было слишком сильным?»

Казалось, он тоже не спал много дней.

Ли Чжи сделал робкий шаг вперёд. Чу Минчжан мгновенно открыл глаза, почувствовав чужое присутствие. Их взгляды встретились. Горло Ли Чжи пережало спазмом, он не мог вытолкнуть из себя ни звука, лишь стоял с приоткрытым ртом как полный дурак.

Наконец он вспомнил, зачем пришёл, и дрожащей рукой протянул ключ. Чу Минчжан скользнул холодным взглядом по его ладони, но забирать вещь не стал.

— Выброси, — безучастно бросил он.

Ли Чжи растерянно моргнул, переводя взгляд с него на спящих туда-сюда людей с вещами. Догадка обухом ударила по голове:

— Ты... съезжаешь?

Чу Минчжан ядовито усмехнулся:

— А ты думал, я останусь здесь после всего? Этот ключ мне больше не нужен. Что ты с ним сделаешь — мне плевать.

Чу Минчжан выпрямился. Он был заметно выше Ли Чжи, и его ледяной взгляд сверху вниз буквально придавливал к полу, заставляя каждую косточку ныть от боли.

— Я позвал тебя только для того, чтобы расставить все точки над «i». Во-первых, я не из этих. Во-вторых, держись от меня как можно дальше.

Ли Чжи так долго репетировал этот разговор, надеясь, что они смогут всё обсудить и остаться хотя бы приятелями. Пусть без прежней близости, но и не чужими друг другу людьми.

Однако теперь, стоя перед Чу Минчжаном, Ли Чжи со всей отчётливостью осознал: у него никогда не было права вести эти разговоры. Они никогда не были равны. Он был всего лишь жалкой тенью, приживалой. Чу Минчжану стало его жалко — он пригрозил ему рядом. Стало противно — вышвырнул вон без лишних слов.

Ли Чжи не нашёл слов. Он лишь глупо, жалко улыбнулся и кивнул, крепко сжав в кулаке несчастный ключ.

Пустой желудок скрутило резкой судорогой боли. Развернувшись, Ли Чжи со слегка ссутуленной спиной зашёл в кабину лифта.

Пока створки дверей сдвигались, он упрямо держал подбородок высоко поднятым.

Но стоило дверям закрыться, как Ли Чжи открыл глаза, и всё вокруг поплыло, подёрнувшись мутной пеленой слёз. Его словно бросили на глубину, уши заложило глухим, давящим гулом. На негнущихся ногах, с абсолютно пустым лицом он вышел из здания общежития и пошёл обратно.

Внезапно он с кем-то столкнулся. Потеряв ориентацию в пространстве, Ли Чжи хотел извиниться, но его заторможенный мозг среагировал с огромным опозданием, словно у заржавевшего механизма. Не успел он вымолвить и слова, как на него посыпались ругательства:

— Глаза разуй! Дорога широченная, а ты прёшь напролом! Извиниться не учили, урод?..

Голос кричавшего оборвался на полуслове. Перед Ли Чжи стоял высокий, симпатичный парень. На его лице отразилось крайнее изумление:

— Твою мать... Ли Чжи?

Хань Цзыяо был не один. Окружавшие его подпевалы тут же почуяли возможность выслужиться и полезли на рожон:

— Эй, ты чё, оглох? С тобой сам Молодой господин Хань разговаривает!

— Слышь, ты! — один из них, засучив рукава, шагнул к Ли Чжи. — Думаешь, раз под Чу Минчжаном ходишь, тебе всё можно? Да ты никто, шестёрка обычная! Если Молодой господин Хань разозлится, мы тебя быстро...

— Да пошёл ты на хрен! — рявкнул Хань Цзыяо, раздражённо отпихивая выскочку назад. — Я тебе слово давал?! Завали пасть и стой смирно!

Парень мгновенно замолчал и послушно отступил в сторону. Ли Чжи тупо моргнул и опустил голову:

— Простите. Больше не повторится.

Он попытался обойти их, но Хань Цзыяо преградил ему дорогу. Юноша слегка наклонился к нему, его брови сошлись на переносице:

— Эй, ты чего такой? Слышь...

Хань Цзыяо присмотрелся к его лицу, и его глаза удивленно округлились:

— Охренеть, ты что, ревёшь? Какого чёрта? Кто тебя обидел?

Взгляд Хань Цзыяо метнулся к дверям общежития Чу Минчжана, откуда только что вышел Ли Чжи:

— Это Чу Минчжан?.. Он на тебя наорал?

— Хань Цзыяо, — тихо, со всхлипом произнёс Ли Чжи, — пожалуйста... просто дай мне пройти. Пропусти... прошу тебя.

Но Хань Цзыяо не сдвинулся с места. Внутри Ли Чжи вспыхнуло слабое пламя раздражения:

— Если я тебе так противен, можешь устроить мне весёлую жизнь завтра... Но сейчас оставь меня в покое, мне...

В глазах резко потемнело. Пошатнувшись, Ли Чжи ухватился за лоб и попытался свернуть на другую тропинку, но Хань Цзыяо снова преградил ему путь:

— Да не собираюсь я к тебе цепляться! Слышь, у тебя лицо серое, как у трупа.

«Не собирается он цепляться».

Кто бы поверил. У Ли Чжи не оставалось энергии даже на спор. Хань Цзыяо, заметив, что от него уходят, среагировал инстинктивно — протянул руку и крепко перехватил Ли Чжи за запястье.

— Мать твоя... Какое ледяное. Ты что, покойник?.. Да что с тобой вообще...

Безжизненный секунду назад Ли Чжи вдруг отпрянул, словно наступил на оголённый провод. Он яростно задергался, пытаясь вырвать руку, его затрясло от панического ужаса, а по телу прокатилась волна колющего страха:

— Отпусти! Не трогай меня!

Хань Цзыяо опешил от такой дикой реакции и тут же разжал пальцы. Но стоило ему отпустить Ли Чжи, как тот мгновенно помертвел лицом и, покачнувшись, стал валиться набок.

— Ли Чжи!.. Твою мать! Ли Чжи?!

— Что с ним?!

— Он отключился! Быстрее, зовите врача из медпункта!

— Да какой медпункт, скорую вызывайте, дебилы!

Как же шумно... Голова кружится... Всё болит...

Кто это трясёт его за плечи, нависая сверху? Хань Цзыяо? Неужели он так перепугался за него? Ли Чжи думал, тот скорее отвесит ему пару пинков напоследок и плюнет вслед.

А сейчас у Хань Цзыяо такой нелепый вид — глаза выпучены, рот открывается и закрывается, точь-в-точь как у золотой рыбки, пускающей пузыри. Ли Чжи хотел рассмеяться, но сил не было даже на улыбку.

«Какая жалость», — подумал он.

Это была последняя ясная мысль перед тем, как сознание окончательно поглотила тьма.

<http://bllate.org/book/20441/2167470>